

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА КУПЦА-СТАРООБРЯДЦА

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы формирования особенностей менталитета купцов-старообрядцев. На протяжении вековой истории со сменой эпох купцы-староверы не просто сохранили традиции своей общности, но в связи с этим укрепили мнение окружающих о своей значимости и особенностях.

Ключевые слова: купцы-старообрядцы, менталитет, история, быт, традиции.

Abstract. The article is devoted to studying a problem of formation of mental features of merchants-Old Believers. Throughout history, the conservative merchants did not just keep the traditions of their community but also strengthened their importance and distinction in people's attitude towards them despite the change of epochs.

Key words: merchants-Old Believers, mentality, history, life, traditions.

Если обратиться к облику купечества Российской империи в XIX–XX вв., то можно утверждать, что купцы-старообрядцы обладали особым менталитетом. Старообрядчество, исчерпав к началу XIX в. все формы религиозного, политического противостояния с государством, официальной Русской православной церковью, признало свое религиозно-политическое поражение и перешло к иным формам религиозного сопротивления. Чтобы выжить, сохранить и приумножить число своих поклонников, оно превратилось в вышеназванный период из конфессиональной в конфессиональную экономическую общность.

Менталитет купца-старообрядца формировался не только естественным стремлением к благополучию или общепризнанной трудовой этикой староверов, но и самими гонителями. Духовные и светские власти от рядовых священнослужителей, городских, станowych и околоточных до епископов и членов царствующего дома Романовых всегда были явными и скрытыми врагами. Они все делали для того, чтобы «извести» старообрядцев: пускали в ход легальные и противозаконные налоги и поборы, использовали всевозможные ограничения и запреты. А получилось все наоборот. Старообрядцы, вопреки преследуемой правительством цели их подавления, наоборот, чрезвычайно стимулировали свои экономические устремления, выработанные в ходе многовековой эволюции вероучения для его сохранения [1, с. 53].

После старообрядческого собора 1779 г. купечество все больше оттесняет духовенство в руководстве старообрядческими общинами. На протяжении XVIII в., согласно подсчетам С. А. Зеньковского, 70 % руководителей поморских общин составляли мещане и купцы. При активном участии купечества в Москве в 1771 г. возникли три старообрядческих центра, представляющих три основных направления в старообрядчестве: Рогожское кладбище (поповское согласие), Преображенское кладбище (беспоповское федосеевское согласие) и Покровская монинская часовня (беспоповское поморское согласие) [2, с. 67–68].

Купечество стремилось поддерживать сплоченность общины и следило за сохранением нравственного духа ее членов. «Хитро умеют не только под-

мечать людей, находящихся в затруднительном положении дел хозяйственных, но и вовлекать в такое положение, особенно склонных к расколу, и потом дают им способ выйти из такого положения, и даже обеспечивают их на будущее, и обнадеживают в постоянном поддержании благосостояния их, жертвуя на этот предмет значительные деньги. С другой стороны, они стараются всеми мерами держать в руках своих общественные постройки, подряды, статьи /как это особенно замечено по удельному ведомству/, дабы часть их уже из своих рук передавать беднякам, и тем обязывать их как бы благотворением» [3, с. 91].

Купцы внесли значительный вклад в организацию старообрядческих экономических братств. Так, Преображенское кладбище основал московский купец И. А. Ковылин (1734–1809). Пользуясь покровительством властей и имея возможность привлечь крупные купеческие капиталы, старообрядцы-федосеевцы уже к началу XIX в. возвели у села Преображенского по проекту Ф. К. Соколова своеобразный архитектурный ансамбль, включавший храмы, трапезные, жилые корпуса. Купец Рязанов в 1817 г. вел переговоры с властями о легализации уральских поповцев [4, с. 403].

В результате в течение нескольких веков сформировался менталитет купца-старовера, отличавшийся от менталитета любого другого купца-христианина, будь он православным, католиком или протестантом.

Купец-старообрядец, особенно в первом поколении, был истым верующим, который свято верил, что его деятельность «спасет его душу», так как является «богоугодной» и направлена на спасение от «антихристов» истинной веры. Соответственно, каждый начинающий купец-старообрядец знал, что его дело важное, от его успеха будет зависеть не только благосостояние, но и сама жизнь многих его единоверцев.

Купцы-старообрядцы даже такой банальный процесс, как заем денег, старались превратить в благотворительный акт. Они денег в долг у частных лиц никогда не брали, однако сами охотно давали. В старообрядческой среде к людям, давшим в долг деньги в трудную минуту, простившим долг, помогающим конкретным семьям сирых, убогих, вдовам, просто членам общины, попавшим в трудное положение, было делом чести. Простые православные христиане складывали легенды об их самоотверженности, готовности прийти на помощь, оказать помощь ближнему. Этим они разрушали веками накапливаемые утверждения официальных властей и Русской православной церкви, которые в течение долгих лет «рассказывали сказки» о «злобных» и «крамольных» бунтовщиках-старообрядцах. Даже в среде постоянно нуждающихся православных верующих, которые «не чувствовали заботу со стороны «своих купцов», старообрядцы выигрывали в народном мнении» [5, с. 212]. В этой связи следует привести эпитафию на надгробии старообрядческого купца Ф. Громова: «Честность, справедливость, негласная помощь ближнему, во всем воздержание и не горделивость – вот его законы» [6, с. 54; 7, с. 64; 8, с. 492; 9, с. 6; 10, с. 56].

Масштабы сбора средств в конфессиональную казну соответствовали масштабам их применения: от заботы о сиротах и нетрудоспособных, обучения детей и взятки светским и духовным властям для строительства общинного жилья и выкупа общинников-старообрядцев из крепостной зависимости. Центральной же задачей оставалось укрепление конфессиональной экономи-

ческой основы, которую на равных составляли общинные хозяйства и формально частные предприятия членов общин [1, с. 55].

Отличительной чертой купцов-старообрядцев было подчинение по иерархической лестнице более богатым купцам-старообрядцам, которые верховодили в братстве. Они знали, что всегда получают от богатых купцов-староверов финансовую и организационную поддержку: те по просьбе менее состоятельных собратьев всегда дадут денег в безвозвратный долг, помогут реализовать товар на ярмарке, доставят товар к месту реализации.

В отличие от православных купцов, купцы-старообрядцы не ставили своей целью добиться богатства, сделать состояние «любой ценой». Для них главным было завоевать авторитет «бессребреника» и «труженика». Большинство из них искренне считали, что когда все видят, что они трудятся «не покладая рук», что у них лучше получается, нежели у других купцов, что заработанным они всегда делятся с общинниками, что без них общине пришлось бы туго, что не обходят они своими милостями и тех, чей молитвенный труд оберегал общину от «посягательств антихриста, приближал час, когда черные дни минуют и час искупленья пробьет», они искреннее считали, что выполнили полностью свое «религиозное предназначение».

Яркой чертой менталитета купцов-старообрядцев было неприятие «сатанинского образа жизни», который насаждала «бесовская» никонианская церковь. В этой связи О. Л. Шахназаров отмечает важную цементирующую роль старообрядческих священнослужителей. Когда предприниматели начали нарушать старообрядческие традиции – начинали курить, пить, укорачивать бороды и даже бриться, одеваться не по-русски, а по-иноземному, принимать пищу совместно с «никонианцами-еретиками», реже молиться – беспоповские наставники и поповские старообрядческие священнослужители брали грех на себя, замаливая его ради сохранения общинного мира.

Купцы-старообрядцы в любом случае надеялись на помощь старообрядческой общины, так как знали, что братья и сестры-старообрядцы никогда не покинут в трудную минуту. В братской общине всегда существовала профессиональная кредитная система, при этом она возникла задолго до системы коммерческих банков и кредитных кооперативов, на рубеже XVIII–XIX вв. [11, с. 50–51]. Это происходило в условиях разложения православной общины, распад которой в начале XIX в. зашел очень далеко. Православные общинники оставались наедине со своими проблемами, могли рассчитывать на помощь только в случае явной беды [12].

Общинная кредитная система начиная с конца XVIII в. использовалась и для вызволения из бедности, и для наращивания богатства не только компактно проживающей, но и разбросанной по православным деревням единой братии. Собраниями общин избирались подотчетные им советы попечителей. Им делегировались права распорядителей кредитами и собственностью общины. Они могли сдавать в аренду, продавать, закладывать формально частные земли, заводы, фабрики, торговые заведения и дома. Под их надзором запускался в оборот капитал общины, выдавался в рост достойным доверия иноверным купцам. Старообрядцы вовлекали в «раскол» не столько проповедями, сколько предоставлением материальной помощи в трудную минуту лицам, попавшим в затруднительное положение.

В функцию советов входило выделение ссуд на создание предприятий общинников. Так появлялись тысячи мелких торговцев «вразвоз и вразнос»,

тысячи мастерских и фабрики. Советы принимали инвестиционные решения для расширения существующих предприятий. Общины обменивались информацией о конъюнктуре местных рынков. Это позволяло им своевременно оценивать ситуацию, формулировать хозяйственную политику, влиять на ценообразование, создавать и своевременно перестраивать товаропроводящие сети, координировать поставки сырья. Староверы-производители не могли разориться в конкурентной борьбе с единоверцами. Конкуренции не было. Наоборот, прочно обосновавшиеся фабриканты считали своим долгом помогать начинающим собратьям сырьем и оборотным капиталом по заниженным процентам [13, с. 43–47]. То есть в России возник предпринимательский «сверххолдинг», который концентрировал капитал и пускал их на быстрое и эффективное развитие экономики России.

Староверы не могли продать или закрыть фабрику без согласия общины, последняя же своим решением могла передать ее другим лицам, если купеческая семья вырождалась и не могла продолжать эффективно управлять собственностью, которая рассматривалась как источник общественного благосостояния. В подобных случаях передача управления другим доверенным лицам внутри данной общины или в другой входящей в данное согласие общине выглядела как смена собственника и оформлялась как сделка купли-продажи [1, с. 58].

Эффективная деятельность старообрядческих общин настораживала власти, но они ничего не могли поделать, так как у старообрядческих общин были деньги и связи. В России возникла под «религиозно-символическими знаменами» политическая корпорация. В 1884 г. были опубликованы документы, в которых отмечалось, что старообрядчество воспринималось царской властью как «какое-то особенное общество – антицерковное, антиобщественное, способное ко всему самому зловередному» [8, с. 492–493; 14, с. 582, 584; 15, с. 4].

Признаком ментальности купцов-старообрядцев было неистребимое желание отдать своих детей для обучения в университет для того, чтобы они, завершив обучение в них, заняли крупные посты в старообрядческом бизнесе и пробрались во властную элиту страны. Староверы-купцы пристраивали своих детей в университеты, главным образом в Москву и в Казань. В качестве «приоритетного» в Московском университете рассматривался юридический факультет, особенно когда его деканом стал А. С. Алексеев – выходец из семьи староверов-купцов Алексеевых-Станиславских. О старообрядческом влиянии на факультете можно судить по воспоминаниям П. А. Бурьшкина, который был дружен со староверами [16, с. 85].

Купцы-старообрядцы старались развивать «свою торговлю» там, где у них была поддержка и не было недобросовестной конкуренции. Объединяющим центром старообрядческой торговли стала знаменитая Макарьевская ярмарка в Нижегородской губернии, названная в честь расположенного рядом монастыря Макария Желтоводского и выросшая из окрестных старообрядческих сел Лысково, Павлово, Семеновское и др. Места эти для староверов заповедные – здесь или родились, или побывали практически все главные действующие лица раскола. В 1816 г. после большого пожара ярмарка была перенесена в Нижний Новгород, но название сохранила. Здесь происходили регулярные совещания общин западных и восточных регионов конца XIX – начала XX в. Уральские староверы дополнительно контролировали менее

значимую в национальных масштабах Ирбитскую ярмарку. Власти пытались перевести ее в Екатеринбург, но, как обычно, неведомыми путями староверы настояли на своем. Туда и железную дорогу удалось проложить, хотя многим она оправданно казалась экономически нецелесообразной [8, с. 489].

Исключительно к ментальности купцов-старообрядцев мы относим их стремление строить религиозно-братские отношения с рабочими на своих предприятиях. Особенность старообрядческой промышленности состояла в том, что она размещалась, как правило, в районах с преобладающим, а то и сплошным старообрядческим населением. При этом фабричные цеха становились безопасным местом для отправления многократных ежедневных богослужений [1, с. 62]. Православные миссионеры знали об этом и били тревогу, но их уже в период правления императора Александра II, провозгласившего политику религиозной терпимости и толерантности, никто не слушал. На старообрядческих предприятиях проводились заседания советов общин, превратившихся в конфессионально-административные органы управления духовной жизни [17, с. 63].

Фабрика становилась храмом, культовым сооружением и одновременно центром местной жизни. Везде обычно работали единоверцы. В рабочий день входило и время для коллективных богослужений, занимавших даже в укороченном варианте в общей сложности не менее двух часов в день. При этом рабочий день длился по 14–16 часов в сутки, и никто не роптал. Показательно, как отреагировали на правительственные планы сокращения рабочего дня, ночных смен и детского труда известные фабриканты-староверы братья Хлудовы, заявившие, что для детей и рабочих лучше находиться в «светлом и здоровом помещении фабрики», чем «в душной атмосфере своей избы» [18, с. 6; 11, с. 363]. По мнению того же О. Л. Шахназарова, с которым мы солидаризируемся, западноевропейская социал-демократия последней четверти XIX в. еще только выступала с идеей участия наемных рабочих в предпринимательской прибыли, а на предприятиях промышленника-старообрядца С. И. Четверикова это уже было нормой жизни. Все единоличные собственники рано или поздно трансформировались в товарищества, в которые входили способные и образованные наемные работники-единоверцы. В старообрядческих фабричных поселениях появлялись больницы, рабочие клубы (безалкогольные трактиры), школы, фабричные лавки, иногда фабричные театры и библиотеки. Там, где появлялись старообрядческие предприятия, земства утрачивали свою актуальность [1, с. 62].

Некоторые российские чиновники, в частности министр финансов Российской империи И. А. Вышнеградский, были в восторге от производственных итогов деятельности старообрядческой промышленности. В частности, он говорил: «Наши христолюбивые старообрядцы – преображенцы в российском торгово-фабричном деле – великая сила; они основали и довели нашу отечественную заводскую промышленность до полнейшего совершенства и цветущего состояния» [16, с. 83; 19; 20, с. 6; 21, с. 15].

Однако эта идиллия закончилась в последнее десятилетие XIX в. Староверы-предприниматели вынуждены были все чаще и на все более продолжительное время покидать ареал дружественной деловой среды, уделять все больше внимания конкурентоспособности своего производства. Они все с большей неохотой стали тратить на удовлетворение общинных нужд. Мно-

горазовые и продолжительные богослужения стали превращаться в дорогостоящую обузу. Получалось, что даже при одинаковой продолжительности рабочего дня рабочий-старовер меньше стоял у станка, чем рабочий на православном предприятии [1, с. 66].

У управленцев-староверов третьего-четвертого поколений стало развиваться чувство собственности: да, конечно, община помогала их предкам стать на ноги и десятилетиями существовать, но ситуация изменилась. Теперь без их талантов и способностей предприятия существовать не смогут. Они должны иметь больше прав в отношении общины. Они должны не только де-юре, но и де-факто владеть и распоряжаться своей собственностью, определять порядки на своих предприятиях. По свидетельству купца-старообрядца В. П. Рябушинского, раскол между хозяевами и рабочими произошел в 80–90-х гг. XIX в. «Патриархальный период... кончился, но пока что не в масштабах всей страны. Размежевание носило анклавный характер в «русских манчестерах», называвшихся так из-за размеров и значимости для национальной экономики. Эти предприятия слишком далеко вышли за пределы мира старообрядчества. Они не могли по-прежнему играть по правилам двух систем одновременно. Равновесие было нарушено. На растущих мелких и средних старообрядческих предприятиях в тот период статус-кво еще сохранялся, но крупная полуобщинная-получастная собственность превращалась в частный капитал. Между ее владельцами и рядовыми общинниками произошли первые крупные социальные конфликты» [22, с. 8, 31–33, 59–62, 87–91].

Старообрядцам вообще и старообрядческим купцам в частности был свойственен консерватизм. Рабочие-старообрядцы хотя в 1890-е гг. XIX в. возмущались против своих хозяев-собратьев, но до серьезного конфликта дело никогда не доходило. В конце концов трудовые споры решались миром. Староверы-рабочие убеждались, что социальная справедливость не вечна, если зависит от воли иноверных частных собственников и даже единоверных предпринимателей, вынужденных играть по правилам падшего мира. Староверы боролись не с владельцами фабрик, а с антихристовой властью, мешавшей по-христиански распоряжаться фабриками и заводами.

В то же время сельские рабочие в провинциальной глубинке, где проживали в основном старообрядцы, не поддержали Первую Русскую революцию. А. А. Машковцев, пишет: «Странничество завоевало прочные позиции в крупных индустриальных центрах во многом благодаря тому, что значительная часть рабочих их промышленных предприятий составляли выходцы из сельской местности... Не случайно, что именно в индустриальных центрах набирало силу революционное движение и действовали всевозможные дисидентские религиозные организации...» [23, с. 10; 24, с. 133–135].

Старообрядческие купцы были вынуждены вести двойной образ жизни. Знаменитый писатель М. Е. Салтыков-Щедрин так описывает эту метаморфозу, приводя в пример раскольничью семью купцов Ключевых: «У богатых Ключевых все на европейский манер; если вы каким-нибудь образом проникните в тот отдаленный и всегда обращенный окнами во двор покой, в котором находится моленная, или в ту еще более отдаленную каморку, в которой несколько десятков лет заживо умирает какая-нибудь слепая «баушка», если вам притом не укажет какой-нибудь услужливый чичероне на одиноко стоящую во дворе баню, в которой обитает пять-шесть дряхлых старух, то вы

никогда не подумаете, что находитесь у раскольника. Полы парке, стены под мрамор, образов немного, сам хозяин беседует бойко и развязно, жена его в разговоре с вами допускает двусмысленности, а изредка и некоторую томность во взорах, при детях имеется и гувернантка-англичанка» [25, с. 518–519].

Таким образом, старообрядчество было крупнейшим в истории России религиозно-общественным движением. В нем отразился стихийный, неосознанный, облаченный в религиозную оболочку протест, порожденный социальными противоречиями самодержавно-крепостнического строя и идеологическим засильем господствующей православной церкви. В течение трехсотлетней эволюции общественно-политическое содержание этого протеста менялось в зависимости от изменения социального состава движения, конкретной исторической ситуации и расстановки классовых сил.

Список литературы

1. **Шахназаров, О. Л.** Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года) / О. Л. Шахназаров // Вопросы истории. – 2004. – № 4.
2. **Зеньковский, С. А.** Старообрядцы в России / С. А. Зеньковский. – М., 1949.
3. **Пюрийнен, Д. М.** Старообрядцы как конфессиональная общность русского города в 40–50-е годы XIX века (на примере г. Сарапула Вятской губернии) / Д. М. Пюрийнен // IV Международные Стахеевские чтения : материалы научной конференции. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2009.
4. **Перхавко, В. Б.** История русского купечества / В. Б. Перхавко. – М. : Вече, 2008.
5. **Мельников-Печорский, П. И.** В лесах / П. И. Мельников-Печорский. – М., 1989. – С. 212.
6. **Семенова, А. В.** Национально-православные традиции в менталитете купечества в период становления российского предпринимательства / А. В. Семенова // Старообрядчество. История, культура, современность. – М., 1997.
7. **Стадников, А. В.** Купеческий род как структурная единица старообрядческой общины (на примере рода Романовых и московской Рогожской общины) / А. В. Стадников // Старообрядчество. История, культура, современность. – М., 1997.
8. **Фармаковский, В. Л.** Замечания об организации и сношениях раскольничьих общин / протоирей В. Л. Фармаковский // Вятские епархиальные ведомости. – 1867. – № 16.
9. **Керров, В. В.** Община и хозяин / В. В. Керров // Старообрядец. – 2001. – № 23. – С. 6.
10. **Расков, Д. Е.** Купцы-староверы в экономике Санкт-Петербурга / Д. Е. Расков // Старообрядчество. История, культура, современность. – М., 2000.
11. **Туган-Барановский, М. И.** Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие фабрики в XIX веке / М. И. Туган-Барановский. – СПб., 1898. – С. 50–51.
12. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 2. Д. 34. Л. 56–57.
13. **Ливанов, Ф. В.** Раскольники и острожники / Ф. В. Ливанов. – СПб., 1868.
14. **Фармаковский, В. Л.** Замечания об организации и сношениях раскольничьих общин / протоирей В. Л. Фармаковский // Вятские епархиальные ведомости. – 1867. – № 17.
15. Вопрос о расколе и мерах против него в начале царствования Императора Александра II // Церковный вестник. – 1884. – № 47. – С. 4.
16. **Бурьшкин, П. А.** Москва купеческая. Воспоминания / П. А. Бурьшкин. – М., 2002.

17. **Жилкин, И.** Старообрядцы на Волге / И. Жилкин. – Саратов, 1905.
18. **Воронова, Л.** Церковь достоинства / Л. Воронова, С. Филатов // Старообрядец. – 2001. – № 22.
19. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство, 1885 г. Д. 59. Ч. 45. Л. 15.
20. **Дроздов, М.** Морозовский шедевр / М. Дроздов // Былое. – 1997. – № 5.
21. **Быковский, И. К.** Преображенский приход старообрядцев-феодосиевцев старопоморского благочестия в Москве / И. К. Быковский. – М., 1907.
22. **Оль, П. В.** Иностраный капитал в России / П. В. Оль ; Ин-т эконом. исследований. – Пг., 1922.
23. **Коробейников, П. Ф.** Краткий обзор взаимоотношений государства и Старообрядческой Церкви (историко-правовой аспект) / П. Ф. Коробейников // Старообрядчество. История, культура, современность. – М., 2000.
24. **Машковцев, А. А.** Старообрядцы-странники Сарапульского уезда Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. / А. А. Машковцев // Старообрядчество. История, культура, современность. – М., 2000.
25. **Салтыков-Щедрин, М. Е.** Мастерница : повесть / М. Е. Салтыков-Щедрин // Собр. соч. : в 20 т. – М., 1966. – Т. 4.

Галимова Лилия Надиповна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-
экономических дисциплин, Ульяновский
государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова

E-mail: galina_200475@mail.ru

Galimova Liliya Nadipovna

Candidate of historical sciences, senior
lecturer, sub-department of humanitarian
and social and economic disciplines,
Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov

УДК 394

Галимова, Л. Н.

Особенности менталитета купца-старообрядца / Л. Н. Галимова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3 (19). – С. 26–33.